

Г. П. Дурасов

«Как жить, чтобы святу быть» О подвижнице народного благочестия Марии Павловне Леонтьевой (1906 – 1998)

Для характеристики времени, в которое мы живем, лучше всего подходят слова Христа: «И по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (Мф. 24, 12). Именно поэтому мы, может быть, как никогда, нуждаемся и в добром пастыре церковном, и в благодатном народном наставнике, хранителе исконно русского народного благочестия. Как никогда нуждаемся в совете людей, которые обладают большим нравственным мужеством. Кто знает, как тихо и кротко настроить человеческую душу на сосредоточенный лад. Нуждаемся в людях праведной жизни, как зримом примере для нас. В тех наставниках и подвижниках на ниве Христовой, чьи души озарены тихим светом смиренной жалости и любви к людям. Тех, кто не оттолкнет, а утешит и исцелит душу человека, измученного горестями жизни. Наш рассказ будет о почившей подвижнице народного благочестия праведной матушке Марии из с. Хотолы Новгородской обл.

Широкому кругу читателей имя М.П. Леонтьевой знакомо еще не достаточно хорошо. На Международном научном симпозиуме «Православие и культура этноса», проходившем в Москве в октябре 2000 г., мною был сделан доклад «Современная подвижница благочестия Мария Павловна Леонтьева»¹. Материалом для него послужили воспоминания самой М.П. Леонтьевой, записанные ее келейником,

мои записи 1996—1998 гг., письма и воспоминания ее духовных чад, видео- и аудиозаписи. Также на симпозиуме была показана видеосъемка Марии Павловны (1996) и ее погребения (1998) общей продолжительностью около 60 минут.

Спустя несколько лет в интернете появились небольшие по объему воспоминания А. Спиридоновой². Составитель книги «Православные старцы XX в.» помещает в сборнике небольшую статью «Блаженная старица Мария Хотольская»³, где использует вышеуказанную публикацию в интернете. Во вступительной статье к публикации келейных записок схиигуменья Амвросии мною также было кратко рассказано о духовном общении этих двух подвижниц⁴. Вот почти и все, что о ней опубликовано, если не считать заметок в местной печати.

О старице Марии Павловне Леонтьевой я впервые узнал 18 июня 1995 г. на могиле выдающейся современной подвижницы благочестия схимонахини Макарии⁵. Однажды, когда матушка Макария говорила мне о своей близкой смерти, я спросил: «К кому мне обращаться за духовной помощью?». «Тебе все будет сказано», — твердо ответила она.

Схимонахини Макарии не стало 18 июня 1993 г. И жизнь духовных детей после ее ухода значительно осложнилась. Своей дерзновенной

¹ Православие и культура этноса. М., 2000. С. 15. До этого доклада в печати было лишь одно упоминание о М.П. Леонтьевой следующего содержания: «В глухой деревушке под Новгородом, в жалкой развалине, на одном боку, не шевелясь, лежит старушка 89 лет. Не владеет ни руками, ни ногами. Перевернуться с боку на бок не может, а молитвой своей изгоняет бесов из людей. И какая благодарность к Богу у нее за все!» (*Иеромонах Пантелеимон. Козни бесовские. М., 1977. С. 82.*)

² Спиридонова А. Воспоминания о блаженной Марии // [www.rusveramrezha.ru /397/](http://www.rusveramrezha.ru/397/) // .htm. вера=ском «Христианская газета Севера России» № 397.

³ Блаженная старица Мария Хотольская // Православные подвижницы XX столетия // есуворов. газета. вера=ском. <http://veramrezha.ru/397/> // .htm. С. 286–288.

⁴ Келейные записки схиигуменья Амвросии // Традиции и современность. 2007. № 7. С. 126–143.

⁵ Дурасов Г.П. Богом данная: Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии. Изд. 6-е. СПб., 2002.

молитвой матушка разрешала все сложные ситуации нашего бытия, и у Бога, как мы верили, она могла выпросить все. Нам же следовало быть в послушании и непременно «от» и «до» исполнять ее советы. (Это было похоже на взаимоотношения любящей матери и послушного чада, когда мать знает все изгибы души своего ребенка и всеми силами оберегает его.)

Теперь же беззаботное время миновало, и от каждого из нас требовалось в духовной жизни приложить большие усилия и терпение. На нас одна за другой валились скорби и болезни, от которых прежде оберегала нас матушка. Я успел несколько раз тяжело переболеть двухсторонним воспалением легких и получил неотвязный бронхит. Духовная сестра Клавдия попадает под машину и получает тяжелые травмы позвоночника... Проходили месяц за месяцем в ожидании исполнения обетования схимонахини Макарии. Так минуло два года.

На вторую годовщину мы собрались на могиле схимонахини. Поставили большой дубовый крест, нарядную ограду. А в ограде установили столик и лавочку. И замостили все вокруг тротуарной плиткой.

В день памяти матушки Макарии съехалось много духовенства и с утра до вечера служились панихиды. Уже под вечер выпал черед иеромонаху Амвросию. В своем коротком, но памятном для нас слове он дал характеристику беззаветного служения Богу и людям схимонахини Макарии. Отметил, что она и ныне здравствующие Божии избранники Дмитрий и Мария дерзновенно молятся за нашу многострадальную родину и ее народ.

Не знаю почему, но мне вдруг подумалось, что имена этих современных нам подвижников названы именно для меня. Чтобы я уразумел, что старцы Дмитрий и Мария, как и матушка Макария, носители и хранители русского народного благочестия. И главное — одного с ней благодатного духа. Я решил, что непременно нужно поехать к ним.

О Марии и Дмитрии я часто вспоминал и ждал положенного дня и часа встречи. Но до определенной поры случая такого не представлялось. Тогда я еще не знал, что совсем скоро матушка Мария сыграет большую роль в судьбе моей старенькой мамы, судьбах близких мне людей, с которыми мы будем приезжать к ней на протяжении трех последних лет ее жизни. Их-то она и назовет Геннадиева команда.

У моего крестника умерла мать, которая для него была всем. На поминках я сказал проникновенное слово об умершей. Смертельно больная, в

последние дни жизни на пути к Богу она преодолела путь, который не смогла пройти за все предшествующие годы...

После поминок ко мне подошел друг крестника Антон и наивно попросил стать его духовным наставником. Объяснив, что на эту чрезвычайно ответственную роль должно выбирать лишь человека духовно опытного, каким я не являюсь, пообещал помочь молодому человеку обрести такового. Мы вместе ходили в храм, где он начал исповедовать грехи и приобщаться Святых Христовых Тайн. А через какое-то время, присмотревшись к нему, я привел его в дом к одному замечательному старому опытному священнику, который и стал окормлять его.

Но вскоре Антон столкнулся с рядом жизненно важных проблем, разрешить которые с истощающей полнотой наш знакомый батюшка не смог. Я объяснил, что в таких случаях люди обращаются к старцам. Вот и ему необходимо искать и ехать к старцу, который объявит ему волю Божию о нем. Говоря так, я вспомнил о праведных Димитрии и Марии. Тем более что незадолго до этого я встретил моего доброго знакомого, Виктора Александровича Бойко, и он рассказал мне о своих поездках к старцам Димитрию и Марии, встреча с которыми была снята на видеопленку.

Удивительно естественная, открытая и доброжелательная матушка Мария произвела на меня неизгладимое впечатление. Эти видеозаписи я предложил посмотреть и Антону. После этого он стал торопить меня с поездкой.

В путь отправились мы 3 июня 1996 г., взяв с собой опытного водителя, так как Антон только осваивал свою автомашину. Проехав полтысячи километров, свернули с Питерской автотрассы на проселочную дорогу. И уже совсем скоро въезжали в старинное севернорусское село Хотолы, что в переводе на современный язык значило «желанное». Большое, в несколько нарядных «улиц», с ладными домами, среди которых красовалось много старинных изб, рубленых в конце позапрошлого — начале прошлого столетий. Вдоль *улиц* широко раскинули ветви когда-то посаженные селянами белоствольные кудрявые березы. Около изб — колодцы-«журавли», чуть поодаль — большие амбары.

Село было каким-то былинным, холмистым, с большими горами, и вековой лес подступал к нему совсем близко. В низине струилась тихая, извилистая речка Хотолька со студеной чистой водой, вся-вся поросшая золотисто-желтыми кувшинками. Вдоль реки то здесь, то там выглядывали темного дерева баньки. *Речка Хотолька*

Мария Павловна Леонтьева. Июль 1996 г.

святая, — расскажет потом нам матушка, — *я воду только из речки пью.*

В открытые окна машины потянуло с лугов запахом цветущих медоносных трав. И кругом были разлиты такие тишина и покой, что души наши замерли от изумления.

Местонахождение дома матушки Марии мы не знали, потому и пришлось спросить у стоявших на обочине мужчин. «Инвалидка Мария?» — переспросил один из них. — «Она от живет вообще в Собачьем хвосте». (Прежде улицу называли «Зеленой».) И пояснил, как доехать до ее дома. Оказалось, что «Собачий хвост» был дальней улочкой или переулком этой большой деревни. Проехав до конца центральную улицу, повернули направо, въехали на горку и в самом конце, на краю, увидели совсем маленький, вросший в землю голубенький домик о трех оконцах. Вокруг него забор и поленница дров. На низкой крашеной двери — репродукция с рублевской Троицы и еще надпись: «Куращий, не входи!». Здесь-то и жила Мария Павловна Леонтьева, или просто матушка Мария.

Дверь нам открыл простой рослый, худощавый молодой человек лет тридцати. Одет он был более чем скромно. Звали его Сергей. Он-то и жил тогда в доме с матушкой и ухаживал за ней: готовил обед, стирал белье, убирался по дому. *Я его из глупенького дома взяла*, — расскажет потом нам матушка. — *Он ходил в инвалидный дом, где я прежде лежала, и там ухаживал за мной.* И помолчав, добавила: *Там я молилась*

Богу: Господи, если я дойду до того, что не смогу сходить в туалет, ты меня заberi. А видишь, как меня смирил Господь, что мужик меня перестилает, — говорила она, имея в виду, что Сергею приходится ее обмывать, перепеленывать и стелить постель.

В избушке все было просто. Большая комната метров 18, высотой немногим меньше двух метров. Слева стояла прислоненная к стене от пола до потолка икона Иверской Богоматери века восемнадцатого. *У меня две живых иконы: Матерь Божья и Илья Пророк*, — пояснила матушка.

Справа, вдоль стены, стояла кровать матушки Марии, над которой по-деревенски висели ее праздничные кофточки. Над кроватью, на потолке, черными кружочками были нарисованы четки для молитвенного правила — шесть рядов по десять кружочков. Это заменяло старице настоящие монашеские четки, ведь руки и ноги у нее давно не действовали, и лежала она неподвижно на одном левом боку уже много лет. Посреди комнаты стоял обеденный стол со стульями, у окна — столик маленький с литыми церковными подсвечниками, крестом и на престольным Евангелием, над ним тоже висели иконы.

У самой двери, за тряпичным цветастым пологом, была другая кровать, где спал Сергей. Справа находилась маленькая комнатка с кирпичной печкой для гостей, а в чулане располагалась кухонька. Вот таким был нехитрый дом Марии Павловны Леонтьевой, которой шел тогда девяностый год.

Иверская в доме Марии

В избушку матушки я вошел первым. Встал перед кроваткой на колени и поприветствовал ее. Сказал, что приехали мы втроем — за ее советом. Матушка посмотрела на меня своими веселыми-превеселыми глазами и спросила, надолго ли мы приехали. «Если благословишь переночевать, то останемся». «Обязательно переночуйте: ты и он, — указала она глазами на Антона, — в доме, а другой — в машине».

Затем к матушкиной кроватке подошли по очереди мои спутники и, получив благословение, отправились к машине за привезенными гостинцами. Муку и крупу, сахар, печенье и конфеты — всю нашу милостыню — матушка распорядилась положить на ее кроватку, *перед Господом*, как она сказала. Затем стала молиться, чтобы Господь принял наши приношения. (Голос ее был чистым и, казалось, прозрачным, как у ребенка.) И уже после этого приняла наше подношение *как из рук Христа*.

Сергей рассказал: когда батюшки приезжают причащать ее Святых Христовых Тайн, она велит им *накладывать гостинцы мешками*. Как говорится, одной рукой принимала поданную ей милостыню, а другой — раздавала.

Уже после мы узнаем, что матушка жила, уповая на волю и милость Божию. Пенсионные деньги, *которые получала она за то, что лежит*, но не заработанные «в поте лица», как повелел Бог, тратила на пропитание животным. Она велела покупать на них зерно для птиц и рыбные консервы для кошек. (В доме матушки их было несколько, а к концу ее дней вместе с котятами — семнадцать.) Когда же люди начинали выговаривать ей, зачем она держит их, если они не ловят мышей, матушка отвечала, что кошечки ее не для этого предназначены, *а для красоты*.

Со стороны казалось, будто матушка Мария все делает иначе. Люди дорожат своим паспортом и хранят его, а она приказала бросить его в печь. Плохо ли жить с электричеством? А она прикажет обрезать провода и будет жить при свечах. Как удобно иметь в деревне газ! Она же велела вынести плиту в сарай и топить печь.

Во всех ее поступках явно просматривалось «поругание мира» — такое привычное для юристов. То, что дорого для мира, для нее было ничто, и лишь одна воля и правда Божии имели для матушки Марии смысл жизни и силу закона.

Благословившись у матушки, мы помогли Сергею приготовить ужин. Вместе с ней покупали. Сергей кормил ее и затем поил чаем из носика специально выделенного чайника. Все это время она внимательно смотрела на нас троих, а затем, убедившись, что мы освоились у нее и не стесняемся, произнесла сочувственно: *Ребятки, как же вы плохо кушаете, знаете, как раньше мужики ели, от того и работали до пота*.

После ужина матушка Мария попросила Сергея наладить ей свет, чтобы можно было читать. За спинкой кровати он укрепил лампу, на грудь матушки положил подставку для книги, а на нее — томик житий святителя Димитрия Ростовского. Надел матушке очки и нашел нужную страницу. Читала она вслух, медленно проговаривая слова, и, когда страницу прочитала, остановилась. Сергей перевернул страницу и матушка продолжила чтение. *Я читаю усердно*, — сказала нам. — *Господь говорит: «Вы не бойтесь, верующие, Я вас на облаках возьму к себе». А заповеди Господа надо запомнить навсегда и не терять никогда из своей души*, — пояснила она.

Вот, ребятки, мне уже 90, а я еще хочу жить и жить. Лежу на одном боку, ничего не болит, аппетит как у хорошей свиньи. В таком бы положении давно быть сгнившей, а меня Господь бережет, — сказала и улыбнулась. — *Я еще хочу пожить для людей. Лежу и молю Господа, чтоб весь российский народ*

У дома Марии. 1996 г.

взял в Царствие Небесное, не хочу, чтобы вас бес-то взял. Утомившись, она сказала, что пора читать молитвы, и поручила это нам.

День уже погас, когда все было готово ко сну. В дорогу я поехал после суточной смены на работе, так что на ногах был почти двое суток. Матушка Мария пожалела меня и велела ложиться к ней за спину, Антону же — лечь на лавку, что стояла у кровати. На ней крепко не заснешь. А надо было это для того, чтобы он не спал, а слушал ее слова.

Матушка начала рассказывать нам духовный стих, и я почему-то под него быстро заснул. А вот Антон с матушкой беседовал долго. Утром он рассказал мне, что, говоря ему иносказательно, она открыла его грехи, которые требовали покаяния. Подсказала и как решить волновавший его вопрос. *Живи земной жизнью, будет надо, тогда Господь тебя призовет*, — закончила она.

Уже потом нам говорили, что матушка Мария прозорливая, «что читает мысли людей и видит их болезни, которые может исцелить... О чем-нибудь подумаешь, а она тебе уже отвечает». Когда мы пробудились, матушка Мария поручила нам читать «Молитвы утренние», а затем вычитать ее помянники, где было две тысячи имен одних усопших.

За чаем рассказала: *Видела во сне, что домик мой словно золотой. А что, ребятки, если его так покрасить?* — спросила и внимательно поглядела на нас. Может, этот вопрос был

испытанием нашего послушания? Все мы молчали, не зная, что ей ответить. «Матушка, есть краска охра золотая, — сказал я. — Может ею и покрасить твой дом?». Она согласилась. «Если благословишь привезти к тебе маляров, тогда вместе с ними и выкрасим». В глазах ее я увидел радостные искорки...

Недели через две уже с малярами-профессионалами Сергеем и Ириной и их сыном-подростком на груженном «Запорожце» вновь ехал я в желанную и сказочную деревню Хотолы к блаженной старице Марии Павловне, или просто матушке Марии. Приняла она нас радостно, а когда узнала, что мы будем красить ее домик золотой охрой, просияла. Видимо, порадовало ее не столько то, что будет ее дом «золотым», а что нашлись доброты, которые услышали ее просьбу и приняли близко к сердцу. Ведь в наше время не часто увидишь сострадающего человека, а тут Бог послал сразу троих.

Погода в те дни стояла ясная — на небе ни облачка. Вставали мы пораньше, помолившись и позавтракав, принимались за работу. Три дня мы работали не покладая рук, и на третий день свежевыкрашенный домик матушки сверкал, как пасхальное яичко. *Ребятки*, — обратилась она к нам, — *вынесите меня на улицу, мне дюже хочется посмотреть, какой теперь мой домик.*

Один из почитателей сделал Матушке большие и удобные, а кроме того и красивые носилки. В них он возил ее в Новгород Великий, в Со-

Мария с гостями

фийский собор, в другие храмы на службу. Вот в этих-то носилках мы и вынесли матушку Марию во двор и поставили носилки подальше к забору, чтобы она смогла увидеть свой дом. Тогда же мы и сфотографировались с ней на память.

По вечерам, когда мы заканчивали работу, садились ужинать и уже после расспрашивали нашу гостеприимную хозяйку о ее большой и полной страданий жизни. И многое из ее рассказов записали тогда на диктофон. Таким образом как бы составила основа ее краткого жизнеописания.

Родилась Мария Павловна Леонтьева 11 февраля 1906 года в селе Точинка, в семье церковного сторожа Павла и Ольги Николаевны Леонтьевых. Родилась здоровым ребенком, да вот нянчила ее слепая бабка, чем-то испугала, и у младенца Марии не стали ходить ноги. *Я люльки такая*, — рассказывала она. Вынесут ее на улицу и посадят в ящик, обложат подушками, чтобы не выпала. *Сижу, смотрю по сторонам. На церковные кресты вороны усядутся, каркают. Овечки с ягняточками ходят, корова с теленочком травку щиплет. Там куры кудахнут, петушок поет*, — все замечаю.

После революции отцу перестали платить жалованье, и ему приходится идти плотником на

отхожий промысел, что в двадцати пяти верстах от дома.

В дом их неожиданно пришла беда: во время родов умирает тридцати лет от роду мать, оставив сиротами пятерых детей своих, да одного приемного. «Ребятки, если мне с вами сидеть, то с голоду помрем», — сказал им после похорон отец. И снова ушел. Приходил с заработка месяца через полтора, получив зарплату натурой: то поросенка дадут, корову или воз картошки. Вскоре отец женился, привел в дом «не маму, а ангела», по словам самой матушки. Звали ее Александрой, и было ей тогда 22 года. Через какое-то время они переезжают на постоянное место жительства

в деревню Озерки. Место было сказочно красивым — деревня располагалась у большого лесного озера. Отец получил землю, купил лошадь и корову, завели овец и другую живность и вскоре стали жить в достатке. Марию научили разному рукоделью: она пряла и ткала, умела шить и вышивать узоры.

В годы коллективизации Павла Леонтьева раскулачили и обобрали дом до нитки. Трех коров и лошадь с жеребеночком увели со двора, поросенка и куриц забрали. «Как бы не Машка, — говорил тогда отец, — я б не стал больше хозяйство восстанавливать». «Все разбредутся по чужим домам, куда Маша-то денется?» — сокрушался он.

От природы Мария была приглядная на лицо, веселая нравом. В 23 года ей захотелось гулять вместе с деревенской молодежью. Тогда-то с разрешения отца она и обратилась к врачам, чтобы вылечили ей ноги. Ее кладут в больницу на операцию. *После операции заснула, страдая от боли*, — рассказывала она. — *И вижу во сне Николая Чудотворца, стоящего около ручья. Спрашиваю святого угодника: «Долго ли мне мучиться?»*. «*Вот такой ручей слез прольешь, но так и будешь ползать*», — услышала в ответ. Такова была воля Божья. Сон этот ока-

зался вещим: из больницы привезут ее в отчий дом, так и не вылечив, всю в гипсе. После этого прежде здоровые и сильные ее руки стали болеть, а спустя годы совсем отказались работать.

Однажды пришла в их дом монахиня Александра. «Почему ты сидишь?» — спрашивает Марию. «Я уже 23 года, с самой люльки ходить не могу», — ответила девушка. Монахиня, постриженная в свое время по благословению самого Иоанна Кронштадтского, пригласила Марию к себе в гости в село Зайцево, где жила при храме. Мать Александра научила больную девушку читать, писать и считать. Вместе постоянно молились — так Мария научилась монашескому правилу.

Отец Марии умер, когда ей было 28 лет, и она возвращается домой. Ее братья и сестры, у которых к тому времени были свои семьи, ничего из отчего дома себе не взяли, все хозяйство оставили больной сестре. Материально Мария жила хорошо, хозяйство вела, до сорока кур держала. И себе хватало, и людей одаривала.

И праведнику дня не прожить, не согрешив, хоть в самом малом. Мария, как уже говорилось, была пригожей на лицо, доброй, простодушной, незлобивой. Молодость брала свое, случалось, были тяжкие искушения. И вновь обращалась она к Господу, просила у Него прощения и помощи на борьбу с ними. И Господь вновь и вновь укреплял ее.

Началась Великая Отечественная война. Жила она тогда с братом Александром, но вскоре его заберут на фронт. По словам матушки, «война забрала у нее всех родных», и Мария осталась одна. Ее эвакуируют в Ярославль и поместят в Дом инвалидов. Там проживет она впроголодь шесть лет. И там же у Марии за ее смирение и терпение открывается дар рассудительности — к ней начали приходить люди за духовным советом.

Убогая страдальца, натерпевшись в ярославском Доме инвалидов лишений, решает возвратиться в отчий дом. Но недолго смогла прожить одна. Привыкла быть на людях, да и без рук и ног очень трудно обихаживаться с деревенским хозяйством. Вот и решает она ехать в Валдай, в

Матушка и автор

Дом престарелых. Там и встретила бездомного и безногого, простодушного горемыку Михаила Бабурин. К культям пристегивал он протезы и ходил кое-как на костылях.

Одиноким, никому не нужный фронтовик-калека привязался душой к Марии. А она пожалела его и так много рассказывала о своей родине, что, в конце концов, они решают идти по жизненному пути вместе, поддерживая друг друга. Обосноваться жить решили они в Озерках, где еще стоял у Марии дом. Но четырех километров до своей деревни не доехали и остановились в Хотоли. Там приобрели баньку возле реки, завели небольшое хозяйство, стали держать кур и гусей и этим скромным житьем своим были счастливы.

Но случилось несчастье: банька их загорелась. Боясь пожара, Марии и Михаилу запрещают жить в Хотоли. Их разлучили, Марию отправили в Дом инвалидов в Новгород Великий. А вскоре она узнала о смерти друга Михаила.

Где бы ни была Мария, в какие бы жизненные условия ни попадала, никогда ни на что не жаловалась, а за все лишь благодарил Бога.

В новгородском Доме инвалидов прожила она одиннадцать лет. Часто лежала мокрая, немывшая и до того доходило, что пеленки ее были усыпаны, словно рисом, белыми червями. И все бы ничего, терпеть она привыкла, да вот случилась еще одна

беда: она падает вместе с инвалидной коляской со второго этажа. И с той поры не только ноги, но и руки ее совсем перестали действовать.

Мария кричит от нестерпимой боли и с доверием и надеждой обращается ко Христу и Богоматери с просьбой исцелить ее. Она берет на себя обет и отказывается от пищи, предлагаемой ей, — ест лишь одни ржаные сухари. Перестает принимать болеутоляющие средства, так необходимые ей тогда. «Сердце ее упало на Господа», — по слову пророка Даниила (Дан. XIII, 35). И она полностью предает себя воле Божьей. «Только в Боге успокаивается душа моя... Он — твердыня моя, спасение мое, убежище мое!» (Пс. LXI, 2, 3), — повторяет она слова псалма.

В христианстве «есть два вида мученичества. Мученичество явное, открытое — это когда физически мучают человека, распинают, четвертуют, вообще подвергают каким-либо физическим страданиям за имя Христово, — говорится в одной из духовных книг. — А есть и теперь мученики, которые добровольно сами распинают свою плоть со всеми ее страстями и похотями»⁶. Вот к такому виду мученичества и была призвана Мария. Новые телесные немощи и страдания Господь, по-видимому, посылает ей для того, чтобы «очистить золото огнем», чтобы грехи горели и сгорали в этом страдании, этим безропотным ее мученичеством. Ведь «как бы ни был человек праведен и чист, а есть в нем стихия греха, которая не войдет в Царствие Небесное, которая должна сгореть; и вот грехи наши горят и сгорают нашими страданиями»⁷.

Вскоре одна из благодетельниц Марии решает увезти ее из Дома инвалидов в Хотолы. И теперь уже навсегда. Здесь покупает она для Марии пустующий маленький дом, в котором давно никто не живет (когда-то был он амбаром, а потом использовался как склад), и наводит там порядок.

Теперь в своей новой *келье* Мария находилась, словно в затворе. *Я одна под замком жила долго*, — рассказывала она. — *Придут соседи раз в день, подмывают, сменяют пеленку, покормят и снова под замком*. Иногда приезжали навестить ее почитатели, оставались переночевать, лишь тогда и была не одна.

Физически она была не вольна над своей телесной немощью и полностью зависела от людей.

Зато в духовной жизни теперь имела полную свободу. В келье своей матушка Мария уединяется для молитвы. Не только днем, но и ночью она не спала. Вздремнет немного и снова творит молитву. Главным в ее жизни становится тогда спасение души; она постоянно находится в молитве, держит строгий пост и воздерживается во всем.

Глубокие духовные преобразования, которые происходили у Марии в душе, можно охарактеризовать словами одного мудрого священника, говорящего «об очищающем и освящающем значении пота, слез и крови — труда, покаяния и мучительства. В них тело освобождается от своей душевно-животной стихии, и духовная настроенность, не встречающая препятствий, охватывает всего человека»⁸.

Рассказывала Мария и о *страхованиях*, которые перетерпела она *от врага рода человеческого*, в своей духовной с ним борьбе. *Ночью, темно. Вроде дядька, рукав черный, самого не видать. (А у меня деньги брошены под матрац.) Я и думаю, что он за деньгами пришел. Два котеночка были маленькие, они прячутся под одеяло. А он как захватил за одеяло и за ноги-то. У него когти, как зубья грабеля, насквозь одеяло прокалывают, и ноги тоже прокололи. А однажды, тоже невидимо, в эту ножку вбивал гвозди, я аж вся содрогалась. А когда меня мыть-то стали, я думаю, погляжу. Мне и видно, метки глубокие оставлены. И в другой раз тоже вбивали гвозди-то. Вот тогда-то от боли все во рту и сварилось.*

Страхования были и иного рода. Вот как сама подвижница рассказывает об этом. *Однажды стоит кто-то, под потолок (ростом), и голова у него сильно на бок. Глядит на меня, а я на него. Он мне ничего не говорит, и я ему ничего не говорю, молюсь. Исчез, сразу исчез! И еще было: Зима, трескучий мороз. Женщина стоит, тоже выше потолка, во рту березовая ветка. Глядит на меня. А я подумала: «Зима, откуда она ветку взяла?». И все исчезло. Были и другие страхования, направленные на то, чтобы Мария покинула это место, прекратила здесь подвижническую жизнь, прекратила свою непрестанную молитву и вновь вернулась в Дом инвалидов. И чуть не дрогнула она. А вскоре все эти тяжелые духовные испытания прекратились.*

В какой-то период жизни совестливый человек вдруг задумывается над тем, как дальше жить,

⁶ Старец Алексей Зосимовой Пустыни. Париж, 1986. С. 124.

⁷ Ельчанинов А. Записи. М., 1992. С. 14.

⁸ Там же. С. 14.

чтобы совесть не укоряла и была чиста. То есть, говоря словами народной пословицы, «как жить, чтобы святу быть?».

Ответ на этот мучительный для многих вопрос известен уже давно. «Благо тому, кто терпеливо ожидает спасения от Господа» (Иерем. 111, 26), — говорит пророк Иеремия. Ищут ответ и находят его в Святом Евангелии. Так и праведная Мария, идя по указанному Христом пути, нашла для себя живого Бога. «Святость», или «обожение», стало конечной целью ее жизни. К той поре она преодолела не только трудности житейские, но и самое естество человеческое! Прошла жизненный путь «от бездны греха на вершину святости — тесный и трудный путь», который «дает награду настоящих блаженств»⁹.

С приобретением Даров Святого Духа матушка Мария не потеряла своей самобытности. Она могла быть и всецело погруженной в молитву, а после этого живо воспринимать и интересоваться всем, что происходит вокруг нее. Матушка отличалась живым, общительным характером, глубокой, точной памятью. Ее светящееся духовной радостью открытое лицо, маленькое, лишенное движения существо словно было обращено навстречу пришедшему. Человеку казалось, что матушка знает его уже давно и сердце его открывалось ей. Она источала какую-то жизнеутверждающую силу, которая была способна утешить, врачевать и оживотворить изъязвленные болезнями плоть и душу. Она вселяла в человека веру и надежду на спасение. Отзывчивая на чужое горе, готовая отдать последнее, что имела, блаженная Мария вдохновляла людей радостью жизни, как Божьего дара. И этой незримой благодатной силы, казалось, ей хватало на всех. Каждый был уверен, что именно его матушка любит больше всех на свете.

Правда, если приезжал к ней человек гордый, тогда матушка могла обличить его. Однажды я рассказал о старице жене давнего знакомого, священника. Но к Марии ей захотелось поехать не столько за духовным советом, сколько за тем, чтобы получить подтверждение своей правоты перед супругом. А для этого ей требовался авторитет старицы.

И как только переступила женщина порог дома, Мария, провидя все о ней, стала укорять

Матушка Мария в новом доме

нежданную гостью за гордость и непокорность мужу. А самому священнику передала наказ, чтобы непременно, не откладывая, приехал к ней со Святыми Дарами. Гостя же, не дождавшись благословения на обратную дорогу, тут же уехала. И к тому же не извлекла пользы из слов блаженной.

Как уже говорилось, питалась Мария от приношений посетителей. Один раз услышала она рассказ о том, что когда тебе подают милостыню Христа ради, ты получаешь ее словно из рук самого Христа. «Слава Тебе, Отче, Господи... что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф.11, 25), — благодарила она Бога евангельскими словами. Ее душа была тогда чистая и светлая, как у ребенка. Это свое открытие она восприняла в душу и руководствовалась им до конца своих дней.

Кажется в 1991 г., когда Мария была одна в доме, с ней произошло нечто удивительное. Вот как рассказала она сама: «Какое чудо у меня сегодня было! Я не спала. Под утро начало

⁹ Там же. С. 127.

рассветать. И вдруг мне на уста кладут два пальца. Я взволновалась и долго не могла успокоиться». Об этом она сообщила посетившему ее вскоре священнику. Тот сказал: это знак того, что она будет предсказывать (т. е. получила дар прозорливости). Было ей тогда 85 лет.

Однажды в этом убедился даже сам преосвященный архиепископ Лев. Он приехал к старице в гражданском платье: в плаще и кепке на голове и внешне походил на художника или на ученого-интеллигента. Только вошел в дом, матушка стала радостно приветствовать его как владыку Новгородского и благодарить за мешок с сахарным песком, который еще не успели принести в дом.

Ездить к матушке Марии поездом, а затем междугородним автобусом не позволял мой сезонный график работы. А вот попутно с друзьями, на их машине, я соглашался без уговоров. На этот раз мой друг Антон со своей матерью и ее подругой, я и наш прежний попутчик-водитель вновь собрались ехать к матушке. Возвращаться мне предстояло своим ходом, но это не огорчало. Антон же и его мать с подругой хотели погостить в Хотолы. С полным багажником продуктов мы отправились в путь.

При встрече я не увидел на лице матушки Марии радости, а только какое-то внутреннее беспокойство. Для меня это стало тогда загадкой. Поздоровавшись, женщины вернулись к машине за продуктами и выложили на стол столичные яства. Потом они принялись стряпать вареники, которых в этих местах, как полагали, никто никогда не едал. Накрыли стол. Все это внесло суету в привычный домашний порядок старицы.

На следующий день Антон с мамой подошли к Марии за благословением: он собирался перейти на предложенное ему новое место работы. Матушка этот переход не благословила. А когда зашла речь о девушке Антона, она проговорила: «Эта дружба с ней до добра не доведет. Она сократит его жизнь!». Настроение у матери и сына резко изменилось, и было принято решение завтра же утром собираться в дорогу и ехать за благословением теперь уже к блаженному Дмитрию. Благо жил он в другом районе, но в той же Новгородской обл. (Старица Мария хорошо знала Дмитрия, находилась с ним в молитвенном общении и даже была у него дважды в гостях. Он ласково называл ее *Манюшкой* и своим посетителям советовал: *Съездили б к Манюшке, что она скажет.*)

Я пытался возразить, что в общении со старцами так поступать нельзя: «Лучше совсем не

Старец Дмитрий

спрашивать совета старца, чем не исполнять его». Однако мне дали понять, что вопрос решен окончательно и бесповоротно.

Старец земли Новгородской Дмитрий Принцев (1906—1996) был человеком Божиим. Однажды увидев, люди помнили его всю жизнь. Человек тяжкого жизненного креста и настоящих побед духа, он, как и блаженная Мария, родился на Новгородской земле в один с ней год. Как и она, Дмитрий в младенчестве лишается матери «прожила она после родов два дня и кровью сошла». Да и отец не долго прожил, оставив семилетнего Митю, самого младшего, и еще четверых детей.

В восемь лет, в год начала Первой мировой войны, у мальчика случается паралич ног и одной руки. Болезнь, как и у Марии, приковывает его к постели. Но он, отрок, находит в себе силы и *разворачивает свою жизнь лицом к Господу*, по словам его духовника архимандрита Агафангела (Догадина). За 80 лет его подвижнического *лежания* и непрестанной молитвы никто не смог бы припомнить даже стона, вырвавшегося из его уст. И лишь когда он забывался в коротком сне, близкие понимали, как он страдает.

Этот удивительный праведник (в народе его называли просто Митенькой) был великим пост-

ником и аскетом. Мяса вообще никогда не ел. Понедельник, среду и пятницу проводил без пищи. Готовили ему в простых жестяных банках — они стояли три дня, в течение которых пища теряла свой вкус. И вообще ничего вкусного в рот он не брал. С марта по ноябрь жил на чердаке, чтобы не быть обузой для близких¹⁰.

Он не умел читать и писать, а молитвы знал наизусть. И эти молитвы были в его устах и в сердце непрестанными. Его немощное тело, удивительной доброты лицо словно озарял изнутри особый свет. «Я вошла в комнату Митеньки первой», — вспоминала игуменья Антония. — «И перед глазами открылось великое чудо: от блаженного бил неземной свет; лицо его преобразилось, стало молодым, уже и не лицом, а ликом... Следом за мной вошел о. Агафангел. Причастил Димитрия. И, ничего не говоря о происшедшем, мы покинули гостеприимный дом. Сели в машину. По дороге молчали. И только перед самой Руссой батюшка спрашивает: „Мать игуменья, ты ничего не заметила?“. Я сказала: „Заметила“. Тогда о. Агафангел, обернувшись вполоборота, произнес: „Вот ты какая! Что тебе Господь показал!“. До конца его земной жизни мы больше слова не обронили, кто что видел. Было понятно без слов»¹¹.

Блаженного отличала сердечная мягкость и необыкновенная доброта. Но когда было необходимо, он произносил горькие слова правды. Многих обращавшихся к нему людей поражал его дар видения человеческой души. Господь щедро одарил Димитрия за его праведность богатыми духовными дарами. И насколько велики и благодатны эти дары, можно было судить по нескончаемому потоку людей, стекавшихся к блаженному с разных концов нашей России. *Люди ходят, просят, чтоб помолился. Боженьке молюсь за весь мир.*

К этому дивному человеку Божиему мы и держали в то утро свой путь. И ехали-то с бездельцей, ведь ответ-то уже дала матушка Мария.

Отношения мои со спутниками были несколько подпорчены, и если дорогой я еще надеялся подойти к старцу со своим вопросом, то, подходя к

его дому, уже решил не утруждать его. Ведь каждый из нас пятерых хотел что-то спросить.

Один за другим входили мы в небольшую комнату. Я вошел последним и встал около двери. Старец посмотрел мне в лицо и вдруг произнес: «Подойди и сядь около меня». Когда я подошел, он вдруг начал отвечать на мой вопрос, который я хотел ему задать. И, в довершении, сказал слово в слово то, что говорила мне когда-то схимонахиня Макария. Так я убедился в том, что слова блаженного Димитрия были «от Бога».

Сразу после меня к блаженному подошел Антон и рассказал, что хочет перейти на другую работу, где зарплата значительно выше. И попросил благословить его. «А знаешь, — обратился к Антону старец, — один решил устроиться на работу. Приходит, а его спрашивают: „Сколько будет дважды два?“. „Четыре“, — отвечает тот. „Ты не годишься“, — сказали ему. Приходит другой устраиваться, и его спрашивают о том же. „А сколько вам надо?“ — отвечает он. Его и взяли». Старец помолчал.

Антон порывисто подошел к нему, встал на колени и попросил благословить его переход на новую работу. Старец с усилием перекрестил его еле подвижной рукой: «Если ты так хочешь». Потом Антон спросил, можно ли ему купить участок земли и построить загородный дом. «Я буду за тебя Мамочку молить», — сказал в ответ, указывая глазами на икону Божией Матери, блаженный.

«Батюшка меня благословил на новую работу», — радостно сказал он, подходя ко мне. «Нет, не благословил, ты сам выпросил благословение», — ответил я. «Вы всегда все говорите против!» — с обидой громко произнесла мать Антона. Так отношения наши были надолго испорчены.

Недели через три, при случайной встрече, Антон мне расскажет, что если бы он перешел на новую работу, ему пришлось бы делать приписки в банковских документах. Блаженному Димитрию, как и матушке Марии, это открыл Господь, потому один предупредил, а другая строго запретила. Ведь руководствовались они не своим рассуждением, а знанием, полученным

¹⁰ Агафангел (Догадин) архимандрит. Блаженный Димитрий // Газета «Воскресная школа». Август. 1998. № 29; Он же. Соборная сторона // Интернет-альманах г. Старой Руссы; см. также: Иеромонах Пантелеимон. Указ соч.

¹¹ Игуменья Антония (Егорова). Непреходящие мгновения // Старорусский пастырь архимандрит Агафангел. М., 2005. С. 111. Схимигуменья Антония (Егорова, ум. 2000). Пострижена в монахини архимандритом Кириллом в 1985 г. в Риге. С 25 мая 1994 г. была настоятельница возрождаемого Благовещенского бежецкого монастыря (Тверская епархия). Находилась в молитвенном общении со многими известными старцами. Часто встречалась с протоиереем Николаем (Гурьяновым), архимандритом Нафанаилом из Псково-Печерского монастыря, архимандритом Агафангелом (Догадиным), протоиереем Михаилом (Трухановым), старцем Димитрием, блаженной Марией. В 2000 г. приняла схиму. По мнению многих духовных чад и знавших ее людей, сама обладала даром прозорливости.

Духовные чада и АМВРОСИЯ

от Бога. Такое бывает у людей, находящихся в богообщении.

В феврале 1997 г. мы вновь отправляемся в Хотолы, навестить матушку. Сергей, с которым мы красили дом, его жена и сын, а с ними еще и духовная дочь схимонахини Макарии Клавдия едут поездом. А мои друзья, Владимир и Любовь, пригласили поехать на их машине. Люди они доброжелательные, простые. Да вот только у Владимира была одна беда — пил вино, а Любовь хотела узнать через матушку Марию волю Божию о своем сыне — не складывалась у того семейная жизнь.

В доме матушки к той поре произошли изменения. По ее благословению было отключено электричество, и она жила теперь при свечах. Зная это, мы заранее купили для нее несколько пачек самых больших церковных свечей. Кроме того, она распорядилась вынести из дома и газовую плиту. Отныне пищу готовили на печке с плитой и двумя конфорками, которая была сложена в соседней комнате. Помимо всего прочего тесно стало в доме, поскольку кроме Сергея жили здесь еще двое парней-послушников.

В тот раз мы еще раз убедились, как строго соблюдает матушка Мария пост. Только приехав, женщины стали хлопотать у печи, сварили «пустые» щи из капусты и картошку с припра-

вой. Замесили блины, которые лучше всех пекла Клавдия. Перед тем, как начать их печь, она подошла к матушкиной кроватке попросить благословение. Матушка благословила печь блины, но... «на свечах». Клавдия недоумевала: «Как же можно нагреть сковороду и напечь блинов на церковных свечах?». Тогда матушка пояснила, что по Церковному уставу сегодня растительное масло не благославляется. Потому и раскаленную сковороду следует натирать воском от свечей. В тот день блины, испеченные Клавдией, показались нам самыми вкусными!

Вспомнил, что, когда приезжали мы к матушке красить дом, к завтраку я нарезал испеченный на подсолнечном масле деревенский пирог. Его привез кто-то из гостей. Мы аппетитно ели его с чаем, когда матушка строго спросила меня: *Геннадий, где ты выбродил этот пирог?* «В кухонном столе», — спокойно ответил ей. *А ведь сегодня нельзя пирога. Теперь в мясоед я поститься буду за то, что вы пост нарушили.* И всегда посты соблюдала она очень строго.

Чаще, как мне хотелось бы, выбираться в Хотолы к матушке Марии мне не удавалось. У нас на работе несколько месяцев не платили зарплату, и приходилось в свободные дни и часы трудиться на реставрационных работах в Богоявленском патриаршем соборе и Успенском храме столичного Новодевичьего монастыря. Так прошли конец 1996-го, 1997-й и начало 1998-го годов.

Следующий раз к матушке Марии поеду я летом 1997 года — теперь уже с иными друзьями. У одного из них был важный семейный вопрос, а другой окончательно запутался в коммерческих делах.

К тому времени матушка Мария бесспорно решила перебраться жить из теплого обжитого дома на улицу. Приезжавшие к ней в большом количестве паломники на ночь занимали избу, так что трудно было пройти между всюду разостланными набитыми душистым сеном матрасами. *Пусть в доме останавливаются приезжие, а я пойду жить на улицу*, — решила она. И шутила: *Сделаем яму, сядем в яму, и будем жить и молиться.* И уже совершенно серьезно продолжала: *Если бы вы знали Господа, надо бы: только глаза открыл, так и кричать Господу.* Я вспоминал евангельский рассказ о слепом, который не молился и просил, а именно кричал, чтобы Христос его услышал и исцелил (Лк.18, 35—43).

Так же и сама матушка Мария вопила и кричала своей молитвой, чтобы непременно быть услышанной Богом и получить просимое.

На улице в палатке 1997

Во дворе своего дома сначала жила она в палатке, которую обычно ставят продавцы над своим товаром. Но в холодную пору года в ней не проживешь. И матушка попросила своих постояльцев устроить ей прямо во дворе, около дома, зимнюю келью размером два с половиной на два с половиной метра. Вкопали пять небольших столбов, обили келью снаружи какими-то досками, а внутри — фанерой и картоном. Крышу сделали плоской. Вместо двери повесили одеяло и рядом устроили небольшое оконце. Прямо на землю, к дальней от двери стене поставили кровать. При входе установили чугунную печку-«буржуйку». Рядом с ней установили столик, а под него — клетку с кроликами. Напротив, у другой стены, соорудили длинную клетку для кур, сверх которой расстилалась постель. А если спальных мест «в келье» не хватало, то из-под кровати выдвигали чемоданы, на которых устраивались постели. Туда, где подтекала «крыша», стелили клеенку. И таких клеенок с разных сторон было несколько.

Зимы в Новгородской области случались студеные, с трескучими морозами, а блаженная Мария в свои девяносто лет прожила в *келье*, т. е. на улице, две зимы, хорошо хоть не под открытым небом.

Летом 1996 года на душе у меня появилось какое-то мрачное предчувствие, которое не оставляло меня. В очередной раз, посылая матушке, с оказией, гостинец, я вложил ей совсем коротенькую записочку: «Дорогая матушка, душа моя скорбит смертельно. Пожалей меня

своей жалостью». Записочка эта произвела на нее сильное впечатление, и она, как я почувствовал, стала еще сильнее поддерживать меня своей молитвой.

И вот мы втроем приезжаем к матушке Марии, а постояльцев у нее полон дом. Нас положили спать прямо в келье, на чемоданах. Около полуночи, только мы улеглись, совсем рядом, за стенами кельи, вдруг раздался шум, и к нам вломился пьяный мужчина. *У соседки Насти три сына. Это Лешка*, — спокойно проговорила матушка. — *Он родился для тюрьмы, Вася — для Бога, а Коля — для труда*. Лешка обвел келью отсутствующим взглядом и, увидев спящих гостей, ушел.

С первыми лучами солнца я встал и пошел на речку умыться и пройтись за околицей. Я любил бывать на селе, много ездил по севернорусским деревням, и крестьянская жизнь меня интересовала профессионально. Давно я мечтал купить на Русском Севере домик в деревне, но мечта эта оказалась несбыточной. Тогда я просто мечтал, чтобы когда-нибудь устроиться в саду под яблоней и попить из шумящего самовара чайку. И чтобы светило солнышко, жужжали пчелки и пели птички.

После прогулки, подхожу я к матушкиной келье и вижу, что кто-то мастерит в саду стол из досок, ставит его под яблоней, и через час нас уже усаживают за пытящий самовар. Как все это произошло, для меня и по сей день остается загадкой. Но моя давняя мечта тогда исполнилась.

Во дворе матушкиного дома я заметил много перемен. Напротив кельи стоял совсем небольшой сруб: одна из почитательниц заказала его для матушки, но та распорядилась сделать из него хлев. Вскоре была приобретена корова, она отелилась, и двор наполнился радостным мычанием. Здесь же, по двору, расхаживали пестрые куры с петухом во главе. На солнце всюду грелись кошки, вокруг стояли клетки с кроликами. Матушка смотрела на всю эту живность и радовалась всей своей крестьянской душой.

Скоро я заметил, как прибавилось и приезжего люда вокруг старицы. Свои палатки ставили они прямо на огороде. К ней ехали все: и она принимала вышедших из тюрем, бездомных и безработных, пьяниц и блудников. Называла их своими иноками и поясняла: *У Господа плохих нет!* — и молилась за них. Старица хотела объединить эту команду в одной спасительной для их душ работе, на строительстве Хотольской церкви. Проект ее был уже готов, также она получила благословение у архиепископа Новгородского и Старорусского Льва. Владыка указал даже место, где следовало возвести храм, — на взгорке за деревней. Но матушка предрекла, что храма там не поставят. Но все же строительство начали, стены подняли на одиннадцать венцов (около двух метров) и... работа остановилось. В конце концов Владыка повелел перевезти сруб на Валдай, и там был, наконец, возведен храм.

Ребятки, давайте выроем на огороде пруд, напустим карпиков, рыба будет своя, — предлагала она. А матушкины насельники продолжали жить на ее хлебах. К лету 1998 года вокруг нее соберется до 40 человек. Но не все из них будут вести себя достойным образом. Наиболее отчаянные поселились в доме, купленном для старицы года два назад. Работать не хотели и кусочничали, где придется.

Естественно, у деревенских жителей такое соседство вызвало резкий протест. Были даже выступления в местной газете. Матушка все это очень тяжело переживала, усиленно молилась, но переломить создавшуюся ситуацию не могла, не хватало сил.

В келье

Как раз в ту пору приезжает к ней паломница из Волгоградской области, из Калача-на-Дону, Тамара Протопопова и приглашает ее к себе в гости. Таких дальних поездок в две с половиной тысячи километров, да еще зимой, у матушки Марии никогда не было. Помолившись, она приняла приглашение. А за время отсутствия матушки страсти в Хотоли улеглись.

Хоть не часто случалось мне бывать у матушки Марии, тем не менее я был в курсе всех происходящих там событий. Мои друзья Сергей и Ирина с сыном, помогавшие красить дом, постоянной работы не имели и часто и подолгу жили в Хотоли. Матушка их всегда радостно принимала, а они помогали ей вести домашнее хозяйство.

В следующий раз поеду я к матушке Марии в последний год ее жизни, в феврале 1998-го. В этот раз собрались ехать на своей машине Сергей и Ирина, а с ними и мы трое: Саша (мы были с ним в прошлый раз), Денис и я. У каждого были свои проблемы: Денис ехал со своей бедой — жена родила мертвого ребенка; у Саши были сложности в семейной жизни.

Матушка все так же жила в своей келье, шутила: *Мы живем, как в пещере*. И действительно, небольшое жилое пространство было заставлено, заложено и завешено чем только можно. Зимовали в келье и куры, и кошки, и кро-

Духовные чада Марии февр 1998

лики. И несмотря на все это, нашлось место и для нас четверых: болящих и страждущих по одному матушка клала к стенке, двое стелили постель на курятнике. Ирина устраивалась на чемоданах перед кроватью, как раз между клетками с курами и кроликами. Сергей же ночевал в доме, где жили двое послушников, там же мы и обедали все вместе.

Вечером третьего дня матушка велела мне лечь за ее спину. Молилась она, как я понял, всю ночь. А я спал, как мне тогда показалось, беспробудным сном. Было раннее утро, когда еще все спали. Вдруг, матушка Мария, обращаясь ко мне, строго и громко проговорила: «Проснись, пора проснуться, долго ты еще будешь спать?».

Говорила она тогда мне не о физическом сне, а о сне духовном. И я это вскоре понял. Слишком много времени я отдавал тогда людям и слишком мало посвящал своей матери. А шел ей тогда уже 85-й год. От моей постоянной занятости и невнимания к ней она очень страдала. И к этим душевным страданиям добавились еще и физические. Она всю жизнь стойко переносила свои болезни, а к ним прибавилась еще и одна неизлечимая.

Для меня это было чуть ли не самым серьезным в жизни испытанием — и физическим, и нравственным. Матушка Мария все это предвидела и молилась, чтобы Господь укрепил и меня, и маму. В кофточке матушки Марии мама лежала в

больнице до и после операции. В ней же много раз причащалась там Святых Христовых Тайн.

Мог ли я подумать, что в глубокой скорби можно обрести большую радость. Целых два месяца я был неотступно с мамой, и никто нам теперь не мешал. Эти дни стали для меня самыми памятными и дорогими.

Из Хотолы доходили всё новые весточки. Пришел к матушке Марии новый помощник, молодой человек. Вадим, так его звали, жил в Малой Вишере, что в пятидесяти километрах от матушкиной деревни. Какое-то время жил на Валдае, при храме сторожем да пономарем был. Подвижничал, на кирпичах спал. И, кроме того, был хорошим плотником.

Дорубал он в ту пору добротный сруб для дома, продать хотел, чтобы хватило денег вдвоем с отцом Борисом съездить помолиться на Святой Афон, в Грецию. «Рублю и думаю, — рассказывал он мне потом, — если матушке блаженной его поставлю, а она за меня молиться будет. Такое вот озарение пришло! Поехал к отцу Николаю (Гурьянову), старцу всероссийскому на остров Залит, прошу: „Благословите в Хотолы матушке Марии дом поставить“. „Я тебя благословляю“, — ответил тот и помазал святым елеем. Приехал к матушке, говорю: „Отец Николай благословил меня дом у тебя ставить“. Старица в ответ: „Давай, давай, вези сруб“».

Варвара и Агафангел 1993

Вадим перевез готовый сруб и в октябре 1998 года поставил его на огороде, близ домика, куда указала матушка Мария. Хотел домой уезжать, а матушка его не отпустила, велела все «под ключ» доделать. (Впоследствии там будет устроен храм-часовня, а Вадим станет его хранителем.)

Привозили ко мне вести и неутешительные. Как-то в Хотоли приехали корреспонденты из газеты. Послушники, не спросив у матушки, начали рассказывать обо всех случаях исцелений, которые происходили по молитвам блаженной. Вскоре появилась в областной газете сенсационная статья, которая лишила несчастную старицу покоя и, в итоге, сократила дни ее жизни. После этого Хотоли стали одолевать толпы приезжих. Из Санкт-Петербурга на автобусах ехали

экскурсанты. Во всю улицу к ее дому тянулась вереница машин. Люди целыми днями ждут своей очереди: тяжело-больные стонали, бесноватые кричали. Кто приезжал посмотреть на блаженную, кто получить совет или благословение. Келейник Василий, он был соседом, помогал матушке, помазал больных святым маслом, матушка Мария усиленно молилась за них и люди получали исцеление. Но она была не в силах принять всех и, обливаясь потом, «замертво» валилась от усталости. *Как мне от вас тяжело,* — говорила она, еле шевеля губами.

Такого напряжения матушка Мария не выдержала. Она тяжело заболела. Незадолго до смерти приказала раздать все имеющиеся деньги. В доме своем завещала принимать всех, кто будет нуждаться в крове над головой. А в келью благословила приходить и после своей смерти, так как там много благодати, и больные будут получать исцеление. По свидетельству паломников, и по сей день благодать Божия здесь не иссякает и ощущается незримое присутствие самой блаженной Марии.

«Дорога в очах Господних смерть святых Его» (Пс. СХV, 6), — гласит близкая христианской душе блаженной Марии Псалтирь. 1998-й год стал для меня годом двойной утраты. Через пять месяцев после смерти мамы не станет и матушки Марии. Было 5 часов утра 11 декабря, когда перестало биться ее сердце. Шел ей тогда 92-й год.

Это был следующий день после праздника древнейшей новгородской чудотворной иконы Богоматери «Знамение», которая хранится в Софии Новгородской, в Кремле. На улице трещали морозы, а матушка Мария лежала в своем доме на лавке перед огромным образом Иверской Божьей Матери. Бездыханно, неподвижно, на правом боку, и словно спала. Ее праведная душа завершила путь своего многолетнего зем-

ного странствования. Все было позади, и она достойно пронесла свой невероятно тяжелый спасительный крест. Она простила всем обиды, одарила накануне тех, кто был тогда рядом, и мирно покинула этот мир. *«Истомилась душа моя, желая во дворы Господни»*, — сказала бы тогда Мария словами псалмопевца, — *«сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому!»* (Пс. LXXXIII, 3). Архимандрит Агафангел первым, когда еще никто не знал, а жил он в Старой Руссе, объявил о смерти старицы¹². Все говорит о том, что он был с ней в молитвенном общении.

Преосвященный новгородский владыка, архиепископ Лев, сам дважды приезжал в Хотолы, чтобы перевезти усопшую старицу к месту ее будущего упокоения, в Великий Новгород. Сам отпевал ее соборно, при сослужении нескольких священнослужителей. По благословению владыки она была похоронена недалеко от алтаря Спасо-Преображенского собо-

ра Варлаамо-Хутынского женского монастыря, основанного в конце XII в.

Я люблю, когда сильный ветер, — говорила матушка Мария. И когда начинался сильный дождь с громом и молнией она просила открыть нараспашку дверь. *«Это Господь»*, — повторяла она. *«Сделайте мне окно в небо, я хочу видеть небо»*, — просила старица. Сегодня ее могила, как и сам монастырь, расположена на правом берегу реки Волхов. Огромный простор вокруг, есть где разгуляться ветрам. А над могилой простерся бескрайний купол неба, куда так хотела при жизни насмотреться блаженная Мария.

Сегодня можно говорить об удивительном феномене старчества в Новгородской епархии, который нам известен во второй половине XX века. То есть в одно и то же время, на сравнительно небольшом пространстве жили старица Мария (Леонтьева), старец Димитрий (Принцев), старица Варвара (Трофимова)¹³. Особо следует отметить, что у блаженных Димитрия и

¹² Архимандрит Агафангел (Догодин Николай Алексеевич; 1936—1999) родился на Рязанщине в семье репрессированных. Окончил школу и поступил в семинарию. После года учебы его забирают на срочную службу в ряды Советской армии. Закончив службу, продолжает учебу и оканчивает Ленинградскую духовную семинарию. Поступает в духовную академию и одновременно работает в ОВЦС Московского патриархата. В 1962 г. окончил Ленинградскую духовную Академию со степенью кандидата исторического богословия. 15 июня 1962 г. по благословению святейшего патриарха Алексея I был пострижен в монахи Троице-Сергиевой лавры с именем Агафангел (сентября того же года рукоположен в иеродиакона, а 5 февраля 1963 г. — в иеромонаха). В 1963 г. состоял членом Русской духовной миссии в Иерусалиме. А уже в следующем году он находится в братии Псково-Печерского монастыря, где в следующем году был возведен в сан игумена. С 1976 г. он служил сначала штатным священником в церкви св. апостола Филиппа в Новгороде, а с 1988 г. — настоятелем церкви св. великомученика Георгия Победоносца в Старой Руссе и возведен в сан архимандрита. Назначен благочинным Старорусского округа, был награжден золотым наперсным крестом (1963) и крестом с украшениями (1977). С 27 мая 1993 года архимандрит Агафангел освобожден от должности настоятеля Георгиевской церкви и благочиния и назначен настоятелем Воскресенского собора в Старой Руссе. Но 30 августа 1993 г. и до кончины его вновь назначают в Георгиевский храм, но штатным священником.

¹³ Блаженная Варвара (в миру Трофимова Варвара Григорьевна; 1907—1997) родилась в деревне Горущко Новгородской губ. Была она последним, восьмым, слепым от рождения ребенком. Отец ходил по деревням, сапожничал. Мать была домашней хозяйкой и умерла, когда Варваре исполнилось пять лет. Отца девочка лишилась в одиннадцать. Ненадолго приютили ее сестры, затем жила по добрым людям и в церковных богадельнях. Во время войны она ходила по деревням, собирала милостыню, кормила раненых и сирот. Идя лесом, много раз встречала диких кабанов и волков и в опасную минуту жизни спасалась молитвой.

Находила приют и в монастырях Эстонии и Литвы, в Печорах. Наместник Псково-Печерского монастыря Алипий искренне почитал старицу, просил ее молить и разрешал ей при большом стечении народа давать наставления. Но постоянный приют обрела она в Старой Руссе, при храме великомученика и Победоносца Георгия, где служил архимандрит Агафангел, который и выделил ей небольшую келью. Сюда, за советом, потянулся к ней нескончаемый поток людей.

Многим советовала принимать пост, как лекарство для обуздания плоти и приобретения дара рассуждения. «Чтобы знать Бога, быть в откровении, надо иметь терпение, главное — терпение, через это открывается воля Божья», — говорила она. В этих словах был ее духовный опыт. Ведь и она сама подчинила себя воле Божьей. Старица умела собирать свою волю воедино и подчинять ее воле Бога.

В 1990-е годы говорила: «Если в доме хозяина нет, худо дому. Раньше была Святая Русь, а теперь живу и боюсь». Или еще: «Раньше детям на каждом шагу говорили: это можно, это нельзя. Сейчас — родили, крестили, в мир пустили: плывите в море по волнам своей воли!». Наставляя, повторяла: «Без скорбей и труда нет дорожки Туда», — и показывала пальчиком на небо. — «Ой, друзья мои, не надо увядать, а на Бога уповать». И скрестив на коленях свои исхудавшие руки, она неслышно молилась за всю нашу Россию.

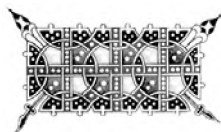
Духовник матушки Варвары, архимандрит Агафангел, для которого душа ее была открыта, говорил: «Голосом народа, глаголом Божиим — была названа старицей наша матушка Варвара. И когда спрашивают, какие у нее заслуги перед Богом и добрые дела перед людьми, я отвечаю: целомудрие (чистота духовная и телесная), смирение, худоба (телесная истощенность), монашеский облик (бела лицом, словно просфора), более того, строжайшая постница (в понедельник, среду и пятницу ничего не ела), удивительная утешительница народа, приходившего к ней с разными печальями и душевными язвами». (Архимандрит Агафангел (Догодин). Блаженная старица Варвара // Газета «Покров», Т. 1 (3), 12 февраля 2001. С. 4–5.)

Варвары духовником был, находясь с ними в молитвенном общении, архимандрит Агафангел (Догадин). *Светочем православия, выдающимся пастырем земли Новгородской* называли его земляки¹⁴. Он был одним из образованнейших пастырей епархии и великим подвижником. По его молитвам к Богу раковые больные получали исцеление, он мог вымолить жизнь попавшему в автокатастрофу человеку или остановить наводнение в Ильмень-озере. В день к нему приходило за советом и помощью до ста человек.

+++

Думается, что подобные явления, связанные с благочестием русского народа, церковной и православно-народной жизнью, требуют глубокого и всестороннего исследования. В лице носителей и хранителей русского народного благочестия Новгородчины мы видим людей благочестивых, исполнивших в дни своей земной жизни волю Божию. Это были выходцы из народа, понятные народу и любимые им. Нельзя не согласиться с тем, что «народная традиция была призвана воспитывать человека благочестивого. Система нравственных ценностей формировалась церковной традицией и прочно вошла в бытовой народный уклад, в бытовую народную обрядность как семейную, так и

общественную. Церковные традиции и народные традиции друг без друга существовать не могут. Церковная традиция без народной выродится в космополитизм»¹⁵. Тема подвижничества ставит важный вопрос: почему именно народ был хранителем этого подлинного знания — передачи традиции, воспитания в традиции? Народ, подвизающийся в вере, жил цельно, глубоко. Основой народной культуры было «выражение единства крестьянства с природой и Богом», — по глубокому убеждению выдающегося французского филолога Пьера Паскаля, хорошо изучившего традиционную крестьянскую культуру русских¹⁶. Река народного благочестия неиссякаема: «В городах, среди мирян, не только в провинциальной глуши, но и в столицах, среди шума и грохота цивилизации, проходят своим путем юродивые, блаженные, странники, чистые сердцем, бесребреники, подвижники любви. И народная любовь отмечает их, — писал с чувством оптимизма русский писатель и религиозный мыслитель Г.П. Федотов, находившийся в эмиграции. — В пустынь, к старцу, в хибарку к блаженному течет народное горе в жажде чуда, преображающего убогую жизнь. В век просвещенного неверия творится легенда древних веков. Не только легенда: творится живое чудо... Отогревается замерзшая Россия»¹⁷.

¹⁴ Старорусский пастырь архимандрит Агафангел... С. 2.

¹⁵ Ильина Р. Русская традиция как опыт народного благочестия. Беседа с ... А.Н.Захаровым // <http://rusk.ru/st.ph?idar=110230>.

¹⁶ Серезко. Т.А. Русское народное благочестие: взгляд иностранца // <http://r-eib.gasu.ru/conf/mac/arhiv2007/26.doc>.

¹⁷ Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 238.